

Архиепископ Никон
(Рождественский)

«Грозными явлениями в природе
Бог призывает человечество образу-
читься, покаяться и вернуться к свое-
му Творцу»

ТРАГЕДИЯ
МАРТИНИКИ

Трагедия Мартиники

Природные катаклизмы страшной разрушительной силы: смерчи, ураганы, землетрясения, цунами — в последнее время происходят особенно часто. 300 тысяч человек — столько (по данным международной конфедерации организаций Красного Креста и Красного Полумесяца) погибших в 2004 году от природных катастроф. Случайны ли эти катастрофы?

Вспомним всемирный потоп, гибель Содома и Гоморры, Помпею в Италии. Нет сомнений в том, что законы естественные действуют в союзе и полном согласии с законами нравственными. Бездушная природа вопиет против беззаконий человеческих, против нераскаянности и готова исполнить повеление Божие, чтобы совершить суд Божий над нечестием людским.

Остров Мартиника входит в Архипелаг Малых Антильских островов Карибского моря. Его территория - 1,1 тысячи квадратных километров. Население острова составляет порядка 400 тысяч человек.

На этом дивном клочке земли более 100 лет назад, в 1902 году, разыгралась жуткая трагедия. Проснувшийся вдруг вулкан Мон-Пеле полностью уничтожил город святого Петра — Сен-Пьер. По словам современников, это был самый необычный и красивый город среди городов Вест-Индии. Он был полностью построен из камня. Никто не мог представить, что за считанные минуты каменный город будет стерт с лица земли.

Что же явилось причиной гнева Божия?

Как выяснилось, Сен-Пьер был крупным масонским и сатанинским центром. Масоны там торжествовали и даже строили новый «храм Соломонов».

Вот это можно прочесть в газете «Колокол», выходившей в начале 1900-х годов в России. «Мне пришлось встретиться с немкой, — пишет автор статьи, посвященной трагедии, — прожившей 15 лет на Мартинике и покинувшей Сен-Пьер за два дня до катастрофы. Ее спас вещий сон, который неверующие, конечно, назовут случаем, хотя подобные сонные видения побудили несколько тысяч человек спешно покинуть Сен-Пьер, оставляя свои дела и иму-

щество. Моя знакомая, например, уехала, не успев продать своего дома. И многие поступили так же. За последние полгода существования Сен-Пьера количество уезжающих оттуда христиан было так велико, что пароходные кампании удвоили число отходящих судов, и все эти суда уходили переполненные пассажирами... Все они знали, уезжая, что больше не увидят Сен-Пьера, что столица масонства, в которой открыто существовало капище сатаны, где люциферианство, или сатанизм, признавалось в качестве разрешенной религии, — осуждена на погибель...»

Город Сен-Пьер располагался в северной части острова, на берегу моря, в 8 километрах от вулкана Пеле, возвышавшегося над Мартиникой на высоту 1397 метров. Вулкан, который чаще называли Мон-Пеле (Лысая гора), имел два кратера, заполненные водой. Внешне они представляли собой два озера. Гребень, окружавший удаленный кратер, имел выемку по направлению к городу.

От Пеле никто ничего не ждал. Последнее извержение состоялось в 1851 году, когда вулкан, спокойно спавший многие века, неожиданно пробудился. Начался жгучий дождь особенного пепла, порывы ветра медленно доносили этот пепел до предместий Сен-Пьера. Раздался грозный подземный гул, и тихо, но неудержимо поползла широкая огненная река.

В городе началась паника... Большинство населения кинулось в храмы. Повсюду раздавалось громкое пение и молитвы. Улицы и площади Сен-Пьера обходили крестные ходы, народ нес хоругви и иконы.

Объятое ужасом население — белое, черное и «цветное» — по обе стороны пути священной процессии падало на колени перед изображением Царицы Небесной. Ее — Владычицу и Заступницу — народ молил о защите и спасении. И внял Господь молитвам верующих...

Остановилась страшная огненная река по дороге к городу. Когда крестный ход с изображением Богоматери достиг высокого места, с которого поток лавы должен был неминуемо ринуться в город по крутому берегу реки Роксоланы, то случилось чудо: замерла лава и остановилась на самом склоне, вопреки всякой вероятности

и законам физики. Город был спасен. Извержение прекратилось. Не было ни жертв, ни разрушений.

На площадке над обрывом, у которого милость Господня чудесно остановила огненный поток лавы, воздвигнута была статуя Царицы Небесной с простертыми по направлению к городу руками.

Эта горная Мадонна стала почитаться покровительницей и охранительницей всего острова вообще, и города Сен-Пьер в особенности. Ее первую видели моряки, подъезжая к Мартинике, и Ее благословляющие руки, казалось, удаляли от прекрасного острова все опасности.

Действительно, даже ужасные циклоны, так часто опустошавшие Мартинику в прежние времена, стали как будто реже и слабее, шая Сен-Пьер.

Дважды направление урагана круто изменялось у самого города, оставляя его в стороне, несмотря на все предсказания метеорологов. Благодаря этому во всем населении сложилось убеждение, что город Святого Петра будет стоять и благоденствовать до тех пор, пока горная Мадонна будет защищать и благословлять его с высоты Монте-Пеле.

И святое изображение чтили. Душистые гирлянды роскошных тропических цветов неувядающими лентами постоянно обвивали гранитный пьедестал Мадонны.

Сен-Пьер спокойно процветал у подножья вулкана Мон-Пеле, и грозное предостережение, как это часто бывает, было быстро забыто.

Достаточно было прожить в Сен-Пьере два-три месяца, чтобы понять печальное положение вещей.

В городе насчитывалось около двух десятков различных религий, считающихся, согласно закону, равноправными с религией христианской... хотя между новыми религиями находились секты, достойные внимания прокурорского надзора.

Каждый желающий придумывал себе религию по своему вкусу. Каждая секта находила последователей и строила свои храмы, часовни, кумирни или капища. И все пользовались одинаковыми правами, одинаковым «покровительством законов».

Закон, разрешающий браки христиан с евреями и язычниками, проведенный в парижском парламенте, делал свое пагубное дело. Семья разрушалась с поразительной быстротой. Да и возможна ли семья, где муж католик, жена иудейка, дочь — буддистка, один сын — почитатель Конфуция, а другой — теософ.

Уживались все эти разношерстные верования исключительно благодаря общему равнодушию ко всякой религии. Атеистов было больше всего, так как верить во что бы то ни было, кроме наслаждений, стало скучно и неинтересно. Неугасимую же потребность в вере, живущую несмотря ни на что, в душе человеческой, совращенные люди пытались удовлетворить так называемыми «оккультными» науками, обещающими открыть тайны загробной жизни и основы мироздания, на самом деле открывая только «тайны» разврата, преступлений и богоборчества.

В Сен-Пьере давно уже существовали масонские ложи. Их было четыре. Все эти ложи относились к «Великому Востоку Франции».

Громадное большинство посвященных первых трех степеней не подозревало истинных целей и настоящего значения масонства. Для «учеников» у братьев-масонов существовали особенные показательные ритуалы, приуроченные к пониманию честных людей, еще не окончательно развращенных слугами сатаны, и долженствовавшие не отпугивать робких и совестливых, а постепенно и незаметно отучать их сперва от нравственности, затем от Церкви и, наконец, от веры в Бога Истинного...

Масонство в городе торжествовало. Оно не только не скрывалось, но и всячески подчеркивало свое влияние, завладевая всеми отраслями общественной жизни. Не скрывалось уже и единение масонства с иудейством...

Даже непосвященным становилась ясна общность талмудической каббалы с масонством, которое, впрочем, открыто признавало эту общность с «великой книгой» иудейско-халдейской премудрости.

Скрывалась до некоторой степени только конечная цель масонских учений, неизбежно ведущих к сатанизму... Об этом еще

умалчивали «посвященные» высших степеней, понимающие, что громадное большинство заурядных масонов все еще считало адскую секту простым философско-благотворительным союзом с высоконравственными и гуманными целями. Эта масса обманутых и одураченных «братьев» низших степеней несомненно с ужасом бы отшатнулась, узнав о настоящих целях «свободных каменщиков». А так как эта масса являлась главной армией масонства, и была нужна тайным главарям его, то ее наивную веру пока щадили.

Однако полное откровение уже подготавливалось постепенно на всё учащающихся масонских съездах, решения которых публиковались в специальных изданиях, «к сведению» и руководству всех лож, разбросанных по всему свету.

Одним из таких подготовительных «указов» масонства было между прочим и запрещение упоминать в ритуале посвящения того «верховного архитектора» природы, под именем которого легковверные христиане подразумевали Господа Бога. Подобное толкование позволяло даже искренне верующим вступать в ряды масонства, — от них скрывали совершаемое ими фактическое богоотступничество.

Упразднение имени «верховного архитектора» при принятии масонской присяги раскрывало безбожие и богоборчество адской секты. Оно образумило часть честных людей, завлеченных в масонство могуществом моды и силой совращения. Но эти обе силы так велики, что находились люди, мнящие себя христианами, которые верили, что отрицание Божества делается из уважения к Божеству и что проповедуется богоборчество ради свободы веры в Бога.

Поистине страшен помраченный рассудок человеческий! Он мешает понимать самые простые и очевидные истины, в то же время побуждая верить самым нелепым, лживым и губительным теориям, изобретаемым самим сатаной на погибель человечества... Благодаря возрастающему могуществу масонства, слуги сатаны распространяли свое мерзкое учение столь беспрепятственно, как и безопасно.

Число сатанистов все росло, увы, не на одной только Мартинике... Повсюду вслед за «невинными», «высоконравственными» и «гуманными» масонскими ложами появлялись их неизбежные спутники — сатанисты, тайно вершащие свои гнусные деяния...

Когда же то тут, то там одно из подобных чудовищных деяний как-нибудь случайно выплывало наружу, немедленно начинались крики о сумасшествии «изуверов»... Ученые евреи: врачи и юристы, историки и философы, писатели и журналисты — нагло отвергали возможность ритуальных убийств в XX веке, и под шумок этих воплей замолкали разговоры о чудовищных преступлениях.

Если же случайно и попадали в руки правосудия не в меру откровенные сатанисты-фанатики, то их помещали в сумасшедший дом, а в случае невозможности заставить замолчать, завязывали им рты... смертью.

Масоны торжествовали, заранее высчитывая день и час, когда капище сатаны осилит храмы Христовы, когда человечество, окончательно совращенное подготовительной работой иудео-масонских развратителей, станет стадом животных без чести и совести, без веры, надежды и любви, и попадет в явное, окончательное и всеми признанное рабство к израильскому народу.

На Мартинике, в особенности в Сен-Пьере, этот «счастливый» день уже почти наступил. Там масонство открыто торжествовало на всех пунктах... Захватив власть во всех самоуправлениях, масоны добились того, что в колонии святые Распятия были вынесены из школ и судов, еще раньше, чем в метрополии — Франции. Оставшиеся при монастырях школы, закрыть которые не было предлога, так как они существовали без поддержки города и государства, высмеивались газетами так упорно и искусно, «что уважающие себя люди» не решались уже отдать свою дочь в «монастырский институт» или воспитывать своего сына в католическом лицее...

Масоны торжествовали и на почве нравственности, разрушение которой шло быстро и успешно.

Среди общественных деятелей и даже государственных чиновников крайне трудно было найти человека, независимого от ма-

сонства. Да, впрочем, в то время во всей Франции торжествовали масоны, захватившие министерства, парламент, печать, науку, искусство. Даже армию и флот.

На острове появились, наконец, чудовищные преступления, необъяснимые и таинственные... Колониальный уголовный суд был завален работой, следователи выбивались из сил, а полиция не находила виновных.

Масоны же торжествовали, поспешно отделывая свое новое капище, носящее название «храма Соломонова».

Масоны решили в этом райском уголке основать свою «твердыню», где можно было безопасно совершать адский ритуал служения сатане. Не украдкой, в подземельях и катакомбах, как в Париже, не с риском, а спокойно и уверенно, в роскошном капище, мраморные стены которого уже возвышались в Сен-Пьере.

Решение о постройке нового храма иерусалимского было принято на очередном собрании великого синедриона в Берлине, вскоре после пожара в Сан-Франциско, уничтожившего вместе с городом и храм, выстроенный американскими масонами.

По предсказаниям каббалистов, ожидаемый мессия должен был родиться в 1902 году. Нужен был храм для его воцарения. Решено было выбрать Мартинику, французскую колонию, для постройки храма.

Вскоре в Сен-Пьере, в местной синагоге, состоялось тайное заседание великого Бет-Дина — судилища израильского. Все три инстанции тайного правления израильского народа — великий синедрион, имеющий свое пребывание в Лондоне, блюститель престола израильского, избравший своей резиденцией Париж, великие мастера масонства в Риме — проинструктировали представителей очередного международного съезда. Главным вопросом была закладка «Соломонова храма» в Сен-Пьере.

Для храма избрали принадлежащее городу место в южном предместье. Это был пустырь, произвести закладку — официальную и ритуальную — предполагалось не позже, как через пять или шесть месяцев...

Все присутствующие выразили одобрение.

Только стасемилетний цадик, старый талмудист, прошедший полных сто лет за изучением закона и тайной науки хасидов — каббалы, к удивлению присутствующих, засомневался в успехе предпринимаемого дела.

Ведь речь шла не об обыкновенной синагоге... Столетняя мудрость указывала ему на необходимость оглянуться на судьбы прошлых предприятий того же рода и вспомнить, что случилось с прежними храмами, воздвигнутыми по подобию храма Соломона?

— «Истинный храм Соломона давно уже разрушен. Развалины его лежат на горе Мория... Кто же разрушил этот храм, святыню народа еврейского? Вы скажете, римские легионы Тита и Веспасиана... Я же скажу вам иное... Слушайте и разумеите. Почему же то, что случилось после пленения вавилонского, не повторилось после пленения римского. Почему? Он — наш враг... Тот Назаретянин, Кого мы называем «лжемиссией», положил заклятие на стены храма Иерусалимского, приказа в священной горе Мория навеки оставаться под развалинами... И заклятие это тщетно пытались сломить самые сильные люди, — от римского императора Юлиана, ставшего врагом Галилеянина, и до великого Саладина. Явные и тайные — все попытки восстановления храма сионского оказались тщетными... Гора Мория повиновалась заклятию Распятого... Огонь выходил из земли, пожирая рабочих. Другие задыхались от ядовитых испарений. Землетрясение разрушало новые фундаменты. Вода небесная смывала приготовленные материалы... И поныне плачущий Израиль молится у тех же развалин и целует ту же единственную стену храма Соломона...

Юлиан, прозванный христианами Отступником, пытался воссоздать храм сионский. Целое тысячелетие прошло, прежде чем евреи вновь осмелились подумать о воссоздании храма... В XVI веке начали постройку храма в Генте... Но разразилась война с Испанией, и едва оконченное здание погибло в огне... Прошли столетия... В Португалии старейшины изгнанных из Испании евреев снова задумали построить храм по тем же, бережно скрываемым священным планам. И что же?... Храм этот был разрушен великим

Лиссабонским землетрясением! 1 ноября 1775 года сильное землетрясение сравняло с землей Лиссабон, разрушив 5 тысяч зданий. Начался пожар. Оставшиеся в живых в панике бежали на набережную. Но через некоторое время их накрыла 12-метровая волна. Погибло 50 тысяч человек.) Еще раз погибла надежда Израиля на западе — так точно, как немного раньше такая же, почти оконченная, надежда погибла на Востоке. В Польше королем, подпавшим под чары новой Эсфири, решена была постройка храма, — злодейские казачьи шайки сожгли город и с ним — неоконченный храм наш. Эти три попытки записаны в Талмуде так же, как и решение великого синедриона не делать новых опытов, впредь до явного указания на милость бога нашего... С тех пор молится Израиль ежегодно на Пасхе о том, чтобы храм был воздвигнут «скоро, скоро, в дни наши»... И долгие годы, и поныне читается эта молитва во всех синагогах, а храма все еще нет, и будет ли — неизвестно...

Знаю, что положение евреев улучшилось. Тайная, но неустанная работа масонства сделала свое дело. Организованная им французская революция даровала евреям равноправие во Франции, так же, как американская революция дала нам равноправие в Америке. Превратить же это равноправие в фактическое главенство было уже нетрудно еврейскому уму, и в XVIII и XIX веках победы еврейства стали так очевидны, что старейшины наши признали их за явное указание милости Божией и решили снова приняться за постройку нашего храма. И что же? Началась франко-пруссская война, устроенная нами же ради водворения республики. Прусские войска обложили Париж, и одним из первых пожаров уничтожено было то поместье в Сен-Клу, где «владелец» — один из наших банкиров — строил себе «новый замок». От храма нашего снова остались только грудь развалин... Снова мечта о храме оказалась суетой сует... Последней попыткой была постройка храма в далеком Сан-Франциско, где среди китайских капищ и японских кумирен святилище масонов должно было менее привлекать внимание, чем в Европе. Законы американской республики были за нас. Потому на этот раз постройка шла открыто. Состоялось торжественное открытия дивного храма, построенного по древним священным планам, со-

храненным в продолжении веков, было даже тайное жертвоприношение, ознаменовавшее победу над врагом нашим. Кровь жертвы, пригвожденной к кресту, подобно Тому, Который воздвигнут был на Голгофе, должна была дать нам силу для окончательной победы... Но увы... И это торжество наше было недолговечно. Страшный пожар оставил от города одни развалины. В огне погиб и построенный храм Соломона. Теперь великий синедрион решил сделать еще одну попытку построить храм Соломона на этом прекрасном острове. Достаточно ли обдуманно это решение? И если старейшины, знающие силы Израиля и волю повелителя нашего, уверены в том, что время настало, к чему же избирать далекий остров? К чему прятаться, как трусливым рабам? Если настала пора Израилю явиться тем, чем он будет — господином над всеми народами, грозным повелителем, вздымающим бич над рабами иноплеменными, — то к чему же прятаться от этих рабов? Не достойнее ли было бы отпраздновать победу нашу в Иерусалиме и возобновить храм сионский? И доказать всему миру и всему христианству тщету предсказаний Того, Кто повелел горе Мория навеки оставаться под развалинами... Но, советуя восстановление, если у нас есть уверенность в возможности его, я все-таки считаю своим долгом напомнить о печальной судьбе всех прошлых попыток и сказать вам, члены великого Бет-Дина: будьте осторожны. Велика сила Распятого: мы боремся с ней почти две тысячи лет, и до сих пор не смогли победить ее. Я ненавижу Его, но я вижу Его могущество и предупреждаю вас, дети мои... Сто лет провел я в одиночестве и лишениях, отказавшись от всех радостей тела, чтобы достигнуть того ясновидения, которого достигали великие знатоки Талмуда. И многое стало мне ясно, многое, скрытое от глаз посвященных. Но ясней всего мне то, что мои великие знания, в сущности, ничто перед тем, что все еще остается для меня неразрешимой загадкой. И самая мучительная, самая неразрешимая из этих загадок — это сила Того, Кого благочестивые предки наши предали позорной казни... Я вижу, что победа, которую торжествовали тогда в Иерусалиме, была воистину суета сует, ибо она положила начало тысячелетнему порабощению нашему, давая Умершему возможность создать христианство».

Глубокая горечь звучала в голосе старика-каббалиста. Трагическая горечь ученого, пришедшего путем вековых размышлений к страшному убеждению в ошибочности всех своих выводов, в то же время не находящего в себе ни сил, ни энергии, ни мужества для того, чтобы сжечь все, чему поклонялся, и начать новую жизнь, — с новыми убеждениями, для новой цели...

Вопреки всему, торжественная закладка мasonicкого храма состоялась. После уничтожения рыцарского ордена тамплиеров впервые открыто и громогласно произносились формулы посвящения будущего здания тому «великому архитектору вселенной», под именем которого неподготовленная толпа, так же, впрочем, как и масоны первых посвящений, понимали Бога Истинного, посвященные же высших рангов разумели мрачного владыку тьмы и зла — Люцифера.

В далекой французской колонии, посреди республиканской администрации, почти поголовно сочувствующей масонству, нечего было опасаться. Знамена бесчисленных лож, как местных, так и привезенных различными депутациями из Америки и Европы для участия в торжественном событии, сверкали яркими красками своих шелковых полотнищ, на которых золотом и серебром были вышиты масонские девизы и таинственные фигуры, истинный смысл которых понятен был только посвященным.

В восемь часов утра торжественное шествие вышло из ворот главной ложи Сен-Пьера, после короткого тайного заседания тридцати трех высших посвященных, и, пересекая город наискось, добралось до места постройки.

Это был огромный участок, подходящий вплотную к скалистому склону Красной вершины и являющийся крайней границей городской земли. Посреди участка уже был распланирован будущий храм, фундамент которого обозначался глубокими рвами. В самом центре будущего здания находилась трехсаженная траншея, над которой устроены были прочные деревянные мостки. Здесь должна была совершиться закладка первого камня.

Вокруг мостков сгруппировались депутации и приглашенные «почетные» гости: чины администрации, общественные деятели

и местная аристократия. А еще дальше, за линией конных полицейских, наблюдающих за порядком, запрудила участок громадная толпа народа.

И решительно никому не приходило в голову, что здесь восхваляется безбожие, сатанизм и масонство.

Было произнесено немало речей, полных напыщенных фраз о «свободе веры», живущей в человечестве, и о «могуществе» «великого архитектора вселенной», о храме добродетели, воздвигаемом в душе человека, и о «братстве всех народов», объединенных международным масонством, об освобождении народов от «всех цепей и всякого рабства, хотя бы умственного, рабства предрассудков», о золотом веке «вечного мира, когда кровавые сражения и братоубийственные войны отойдут в область преданий», о равенстве всех племен Земного шара и прочее, до бесконечности...

В глубокую траншею с помоста громадные лебедки спустили первый камень. В особо выточенное треугольное углубление мраморной глыбы положена была золотая медаль, вылитая в честь знаменательного события, и свиток пергамента, исписанный древнееврейскими письменами. Затем отверстие было закрыто серебряной доской с выгравированными на ней годом, числом и знаками Зодиака. Доску эту прибили золотыми гвоздиками, по которым по три раза ударили серебряными молоточками старшие из «мастеров». Серебряный молоточек переходил из рук в руки, от масонов к властям военным и гражданским, и, наконец, попал в руки протестантского пастора, спокойно сделавшего свои три удара. Затем молоточек оказался в руках главного раввина новой синагоги. Самые почтенные и влиятельные из горожан теснились вокруг масонских вождей.

Символические фигуры на масонских знаменах, кажущиеся такими простыми непосвященным, имеют, однако, страшное значение для посвященных. Даже общеизвестная шестиконечная звезда, сделанная из двух треугольников, имеет страшное символическое значение опущенной книзу вершиной треугольника.

Исподволь приучают масоны христианские народы к созерцанию своих символов, которые уже никто не замечает. Привычка

мешает обращать на них внимание, а тем паче допытываться их значения. И благодаря подобной привычке, легкомысленное современное человечество незаметно приучается допускать страшные символы в свою жизнь... Продавали же в то время, в 1906 г., в столице православной России, в Петербурге, в Гостином дворе, дамские кофточки, на шелковой тесьме отделки которых повторялась в виде невинного узора еврейская буква “Шин” — начальная буква слова “штан” (сатана), таинственная символическая буква, пылающая синим огнем между рогами черного козла, председательствующего на дьявольских шабашах.

И в Сен-Пьере, на Мартинике, прошли незамеченными и непонятными страшные символы сатанизма, изображенные на знаменах масонских лож.

Когда первый камень был спущен на дно траншеи и установлен отрядом каменщиков, украшенных символическими передниками и пестрыми лентами, с висящей на груди пентаграммой, официальное торжество окончилось.

Через два часа после окончания официальной закладки, высокая ограда, окружающая весь громадный участок, предназначавшийся под храм Соломона, опустела. Все входы, ведущие за эту ограду, были старательно заперты, а ключи унесены главными надзирателями, сопровождавшими всех рабочих, приглашенных «строительным комитетом» в один из громадных увеселительных садов Сен-Пьера, где был приготовлен для них обед с обильной выпивкой.

До поздней ночи пировали каменщики, плотники, штукатуры и землекопы за счет строительного комитета. И никто из подвыпивших рабочих не обратил внимания на постепенное исчезновение некоторых «мастеров» и десятников при приближении полуночи.

Ускользнувшие «мастера» направились обратно к месту постройки, откуда вышли несколько часов назад.

«Вольные каменщики» собрались у места официальной закладки, помещенной в середине неправильного шестиугольника, образующего отгороженный участок.

Рядом с только что опущенной и не заделанной цементом глыбой мрамора имелась узкая и низкая щель, в которую свободно проходил слегка согнувшийся человек.

Это был тайный вход в капище сатаны. Переступить порог этой черной щели мог даже не каждый из высших посвященных. Переступившему же порог возврата уже не было. Одна смерть может порвать узы эти.

В подземных помещениях будущего масонского храма происходило тайное «освящение» здания сатане по древнему ритуалу, сохранившемуся со времен рыцарей-храмовников почти без изменения. Здесь, в подземных залах (на официальных планах, утвержденных строительной комиссией городского муниципалитета, залы эти были обозначены под скромным названием «подвалов и погребов») уже готово было капище сатаны, устроенное по всем правилам «черной магии».

Пробить в скале бесконечные коридоры, громадные лестницы, ходы и переходы, то поднимающиеся, то опускающиеся, было бы невозможно не только в шесть месяцев, но и в шесть лет...

Но Мартиника была когда-то населена язычниками, устраивавшими свои капища в подземельях и гротах вулканического происхождения. Эти язычники были, в сущности, поклонниками сатаны, принося в честь его человеческие жертвы.

Таким образом, масонство нашло на Мартинике вполне подготовленную почву, как в буквальном, так и в переносном смысле слова. Участок земли, приготовленный для постройки храма Соломона, именно потому и был так важен для масонов, что под ним находилось старинное подземное главное капище сатаны, соединенное подземными же галереями, с одной стороны, с новой синагогой и с несколькими зданиями в центре города, занятыми жожаками масонства. С другой же — оканчивалось несколькими тайными выходами, постепенно подымаясь под землей до самой вершины Лысой горы (Мон-Пеле).

Зная это, можно понять упорную борьбу масонов с владельцами участка, не желавшими его уступить. В конце концов, масоны

восторжествовали и, завладев нужной землей, начали обновлять и отделять подземное капище, что и было исполнено в полгода.

Таким-то образом, после официальной торжественной закладки мasonicкого храма, на которой могли присутствовать, не видя ничего предосудительного, и власти, и печать, ночью, в подземном зале, под главным корпусом будущего здания, происходила ужасающая сцена посвящения этого здания сатане.

Ужасное зрелище являло собой это подземное капище. Здесь каждая подробность была гнусным кощунством, каждое украшение — отвратительным осквернением веры Христовой... Как справедливо сказал св. апостол Павел, «не следует и говорить о сих мерзостях»...

Увы, «мерзости сии» существовали не только на Мартинике, но и еще существуют во многих местах. И не только в отдаленных и малоизвестных местах, но и в центрах цивилизации, в Америке, в столицах европейских государств — в Париже, Лондоне!

Во Франции существование капищ сатаны давно уже было доказано протоколами полиции, не раз нападавшей на след этих тайников разврата, преступления и святотатства в бесконечных галереях так называемых «катакомб», расползающихся громадной сетью подо всем Парижем.

Десятки раз французские, английские и американские судебные следователи были в двух шагах от раскрытия всей истины. Но каждый раз поспешно вмешивалось тайное влияние всемогущих масонов, и следствие прекращалось.

В подземном капище Сен-Пьера собралось несколько десятков наиболее знатных проповедников сатанизма, искусно скрывающихся под самыми безобидными профессиями.

Теперь на свои полуобнаженные тела они надели кроваво-красные мантии «посвященных» люцифериан, а на голову — черные шапочки с парой длинных золотых рогов, наподобие козлиных, круто подымающихся надо лбом великих жрецов сатаны.

Красные гранитные стены были так тщательно отполированы, что в них, как в зеркале, отражались многочисленные огни свечей и лампад. Низкие тяжелые своды поддерживались рядом гранитных

массивных колонн, изображающих какие-то мрачные существа с туловищами змей и человеческими головами, украшенными такими же рогами, как и шапки главных жрецов.

Впрочем, эти козлиные рога, змеиные тела и звериные морды на человеческих туловищах повторялись во всех украшениях подземного капища, стремящегося быть гнусной карикатурой на христианский храм. В каждом предмете утвари, в каждой подробности орнамента сквозило стремление унижить священные символы христианства и превратить в грязную пародию церковную архитектуру.

На стенах кое-где были развешены картины, но изображенные на них сцены из ветхозаветных книг были представлены в неподдающихся описанию гнусных толкованиях, с такими возмутительными подробностями, что у порядочного человека не найдется слов для их изображения. А, между тем, перед мерзкими картинами стояли высокие серебряные подсвечники, сделанные по форме церковных, но изгаженные козлиными рогами... Даже золоченые рамы картин составлены были не из гроздьев винограда, а из неприличных, отвратительных фигур.

Посреди зала возвышался большой кусок полированного черного мрамора — жертвенный камень сатаны. К нему вели семь невысоких, но очень широких ступеней, на которых занимали места жрецы согласно их рангу. Позади этого мраморного треугольника, ужасное назначение которого выдавали выдолбленные посередине желоба в форме положенного креста и большие серебряные кольца там, где должны были находиться руки и ноги человека, растянутого на ужасном жертвеннике, — находилась ниша, задернутая шелковой занавесью, на которой нашиты были вырезанные из черного бархата странные знаки, геометрические и символические фигуры, буквы древнееврейской азбуки.

Последние образовывали таинственные слова, понятные лишь для высших «посвященных» люцифериан.

По обеим сторонам желтой занавеси возвышались статуи «охранителей порога» — чудовищные изображения человекообразных существ с козлиными рогами и змеиными телами, с женской гру-

дью и мужскими лицами. Целый ряд драгоценных лампад, изображающих кошек, змей, волков, спускался с потолка на серебряных цепях перед этой дверью, на вершине которой изображен был треугольник, опущенный вниз.

В этом капище сатаны этот масонский треугольник, повторяющийся во всех тайных “часовнях” тамплиеров, уличенных в «чернокнижии и идолослужении», подчеркивал единение союза «свободных каменщиков» (масонов, являющихся преемниками рыцарей-храмовников) с открытыми обожателями зла: люциферинанами и сатанистами.

Желтый занавес отдергивался крайне редко. Даже не все из присутствующих здесь высших посвященных видели скрытую этим занавесом таинственную фигуру Бафомета, под видом которого храмовники поклонялись сатане. Масса же масонов тех степеней, которые не знали о единстве масонства с сатанизмом, даже не подозревали того, что скрывается за таинственным занавесом. С боязливым ужасом слушали они пророчества, звучащие отсюда в особенно важных случаях.

Направо и налево от главной ниши находились две другие, немного меньшие. В одной из них находилась большая печь из огнеупорного кирпича, сделанная по образцу тех «крематориев», в которых безбожная мода побуждает людей сжигать покойников, не допуская усопшего до освященной земли христианских кладбищ.

Эта страшная печь была предназначена для сжигания тела. Вторая ниша была темницей, где находилась жертва в ожидании последнего эпизода адской церемонии.

Согласно древнему ужасному ритуалу, на месте закладки должно было быть зарыто живое человеческое существо — ребенок или девушка.

Так были построены многочисленные крепкие замки тамплиеров (храмовников), и этот ужасный факт был удостоверен на знаменитом «процессе храмовников» официальной историей.

Ведь для гнусных адептов черной магии необходима невинная кровь человеческая, и мрачные каббалисты, променявшие чистый закон Моисея на отвратительные “законы” талмуда, унаследовали

ужасное суеверие первобытных идолопоклонников, сохраняя это учение до нашего времени.

Правда, когда убийства совершать опасно, их заменяют простой «черной мессой», в ритуале которой вместо кровавых человеческих жертвоприношений устраивалось осквернение священных символов и святотатственные церемонии, во время которых приносились «жертвы», отдававшие только свою женскую честь, иногда даже добровольно.

В других случаях совершались гнуснейшие святотатства и осквернение Святых Даров, если злодеям удавалось похитить их.

Масоны самую злобную, самую непримиримую ненависть питают ко всем религиям вообще, а к христианству — в особенности.

В журналах и газетах, находящихся всецело в их руках, открыто проповедовалась необходимость начать беспощадную войну против «пагубного суеверия», именуемого верой в Бога. Устраиваемые масонами «философско-нравственные» (чисто безбожно-безнравственные) вечеринки имели шумный успех. Молодежь стремилась на лекции «знаменитых» проповедников отрицания и неверия, кончающиеся танцами. Женский масонский лицей имел двойной комплект слушательниц. Почти все мужские учебные заведения окончательно перешли во власть масонства. Духовенство вытеснялось отовсюду деятельно и успешно. Даже в госпиталях «сестер милосердия» сменили нанятой «штатской» прислугой. Из женской тюрьмы «прогрессивное», то есть — масонское, городское самоуправление изгнало скромных подвижниц-инокинь, специально посвятивших себя служению бедным женщинам, попадающим в тюрьму, и спасавших не одну сотню этих несчастных заблудших овец.

Одним словом, в колонии делалось то же самое, что творилось в несравненно более широких размерах в метрополии — Франции.

Масонскими обществами решено было сделать из Новогоднего праздника (в 1902 году) что-либо, могущее послужить «противовесом» христианским «церемониям» праздника Рождества Христова.

К тому же времени было запланировано «открыть» и новый храм масонства.

Уже было построено громадное здание, вернее, целая серия зданий, где размещались помещения, предназначенные для молитв и жертвоприношений, залы заседаний масонских лож и политических собраний, школа тайной масонской мудрости, квартиры главных служителей храма и обширные строения с неопределенным названием «складов».

Общий вид громадной постройки напоминал древний план храма Соломона в уменьшенном виде. Подобно ему, это масонское сооружение взбегало вверх почти до полугоры своими дворами, садами и отдельными корпусами, заключенными в высокую тройную ограду.

Все эти здания построены были из великолепного местного гранита и порфира. Для центрального же храма допущены были только благородные материалы, драгоценные мраморы, бронза, редкие породы деревьев — чёрное, красное, розовое, а также слоновая кость, черепаха, серебро и золото...

Перед главным входом центрального здания, окруженном двойным рядом стройных колонн из желтого мрамора находился небольшой внутренний дворик, вымощенный фарфоровой эмалью, изображающей знаки Зодиака. Посредине поставлен был громадный сосуд в виде чаши, из блестящей красной меди, поддерживаемой двенадцатью быками в натуральную величину, отлитыми из темной бронзы. Этот гигантский сосуд представлял точную копию знаменитого «медного моря» (небухим), стоявшего в дни торжественных жертвоприношений. Его до краев наполняли кровью жертвенных животных.

Какой кровью желали наполнить свое «медное море» сатанисты, скрывающиеся в центре масонства и в глубине еврейско-талмудической секты? Как знать, какие ужасающие сцены увидели бы красивые стройные колонны, окружающие этот «двор жертвоприношений», если бы Господь, мановением властной десницы Своей, не уничтожил строителей вместе с постройкой...

Но в те дни, когда тысячи искусных рук кончали внутреннюю отделку великолепных зданий; когда сотни судов подвозили со всех сторон света драгоценные материалы, дивную утварь, роскошные ткани — шелк, бархат и парчу; когда строители с гордостью показывали заезжим туристам новую «гору Мория», когда масоны всего мира заранее торжествовали, в ожидании открытия «второго» храма Соломона, — в те дни никто из строителей не думал о Боге...

Упоенные гордыней, они торжествовали и богохульствовали...

Со всех сторон начали съезжаться масоны — осматривать уже почти оконченное великолепное здание. За неделю до Рождества прибыли на Мартинику действительные главы таинственного специально еврейского братства «Бнай-Брит»...

Мирный Рождественский крестный ход стараниями масонов-provокаторов был превращен в настоящее побоище. Богоборцы пели масонско-революционный гимн, в котором глумились над святейшими верованиями христиан, проклинали наиболее чтимые символы Святой Церкви, отрицая все, вплоть до существования Господа Бога.

Часовня у подножья вулкана-горы, посвященная Божией Матери, была осквернена, а впоследствии и вовсе «снесена» по распоряжению городской управы.

Сатанисты-масоны торжествовали свою победу, печатая в двухстах тысячах экземплярах свой богоборческий гимн для бесплатной раздачи, и радовались, забывая, что Бог «поругаем не бывает».

Тем временем в масонском капище день и ночь кипела работа. Готовилось официальное открытие этого нового «храма Соломона», которое должно было совершиться 5 мая утром. Тайное же жертвоприношение и посвящение сатане откладывалось на ночь с 7 на 8 мая, которая, по исчислению масонских астрологов, была избрана судьбой для решительного сражения двух начал: Света и тьмы, Добра и зла.

Но тогда-то внезапно и постигла их пагуба. Десница Господня поразила грешный город, как Содом и Гоморру.

Уже в конце апреля — начале мая 1902 года люди услышали гул и ощутили подземные толчки. Проверка кратера вулкана по-

казала, что там кипит вода и выделяется много пара. Затем гул и толчки стали заметно усиливаться. Время от времени Мон-Пеле выбрасывал тучи пепла.

Первыми забеспокоились животные. Змеи покинули свои жилища в расщелинах старой лавы на склонах, спустились к побережью и наводнили плантации и городские окраины. Кстати, только из-за их укусов тогда погибло 50 человек и 200 животных. Птицы далеко облетали остров, а черепахи уплыли из прибрежных вод.

5 мая утром, как и было намечено, состоялось официальное открытие масонского храма специальной «службой», сильно смахивающей на торжественные служения в еврейских синагогах. Открытие совершилось в присутствии официальных властей и при громадном стечении избранной публики. На площади, перед новым зданием, собралась огромная толпа, ожидающая «угощения», обещанное в этот день народу.

Даже христианское духовенство присутствовало на масонской церемонии в лице протестантского пастора и двух католических прелатов модного направления, щеголявших своей «терпимостью».

Все поражались роскошью и великолепием громадного здания, избегавшего отдельными корпусами до самой вершины «красного холма», высота которого равнялась приблизительно одной трети высоты Лысой горы.

Лысая гора, пугавшая глухими раскатами подземного грома, в это утро, казалось, окончательно утихла, что было истолковано масонскими проповедниками как признак «высокого значения новой религии человечества» (то есть масонства), «религии без лицемерия и суеверия, не боящейся разумной критики, религии, не одурманивающей людей запугиваниями и не подкупающей слабых суждением, а робких душой — несбыточными обещаниями сверхъестественного, посмертного блаженства, противоречащего науке и здравому смыслу».

Так говорили проповедники масонства, восхваляя свою новую религию, «значение и мощь которой уже ясно сказались в затишье,

сменившем гул и грохот последних дней. Неразумная природа подчинилась разумной воле своего повелителя — человека, признавшего просветленным умом в себе самом единственное божество земного шара. Вулкан, затихший в сегодняшней торжественный день, — лучшее доказательство того, что очищающее влияние масонства чувствуется даже бездушной природой, а тем паче одушевленными людьми!»!

Эти искусно составленные речи были произнесены двумя столетними мудрецами, появившимися перед глазами непосвященной публики в парадных одеяниях масонских жрецов, с вышитыми золотом передниками и массивными золотыми циркулями, треугольниками и прочими атрибутами «свободных каменщиков». Речи и ораторы произвели большое впечатление. Им горячо аплодировала праздная публика, падкая на всё «новое» и «оригинальное».

Пронос масонских знамен вокруг стен обширного здания, пародирующий христианские крестные ходы, также имел большой успех. Молодые девушки, ученицы масонского лицея, и дети, воспитанники психоневрологического института Мартиники, посыпали цветами дорогу, по которой двигались блестящие пестрые знамена с велеречивыми надписями, вроде «права человека», «всеобщее благо», «братство народов», «одно сердце, один разум, один язык», попеременно с постоянно повторяющимися словами: «свобода, равенство и братство»... Все эти изречения были вышиты серебряной или золотой канителью по яркому бархату или парче. Цветочные гирлянды обвивали древка знамен, колонны и перила галерей, головы, руки и шеи певцов и певиц в белоснежных одеяниях древневосточного покроя, перехваченных золотыми или серебряными поясами и украшенных такими же вышивками.

В общем получилось эффектное зрелище. Состоялось даже жертвоприношение белой «телицы» с позолоченными рогами и копытами и с гирляндой цветов на шее.

Торжественные звуки труб, играющих какой-то торжественный хорал, не могли заглушить жалобного мычания животного, упавшего под ножом «главного жреца» в смертельной судороге на мраморную мозаику внутреннего двора, где стоял жертвенник.

Кровь вылили в золотой сосуд, из которого кропили стены здания и присутствующих.

Несчастливые одуроченные горожане любезно склоняли головы перед жрецами сатаны, не понимая, что капля крови, разведенная красным вином, упав на их головы или одежды, была первым звеном страшной цепи, накладываемой сатанистами на совращаемых...

Слишком привыкло современное человечество относиться легкомысленно к вопросам религиозным, слишком охотно чванится оно своей «терпимостью»... Этим пользуются агенты масонства, скрывающиеся под сотнями различных наименований, но ведущие души человеческие, вверившиеся им, всегда к одному и тому же концу, к духовной гибели, к сатанизму...

Начавшаяся, по южному обыкновению, в шесть часов утра, эффективная церемония «посвящения» масонского храма, речи, пение, обход здания и окропление «очистительной» кровью белой телицы, продолжались не менее двух часов.

Так как ни одна фабрика в городе в этот день не работала, то толпа народа осталась на большом внутреннем дворе, где для нее были накрыты бесконечные ряды столов и устроены два фонтана, — один из крепкого красного вина, другой — из рома. Парадный же обед для избранной публики был назначен на семь часов вечера.

Вечером, на торжественном обеде, вновь и вновь звучали масонские речи о «братстве всех народов». Говорилось и о «высшем разуме великого архитектора природы», которому поклоняются «все народы», называя его «различными именами», и о священном праве каждого на счастье и любовь, и о несправедливости «древних предрассудков»...

Так искусно внушалось развращающее учение масонов, подрывающее любовь к родине, высмеивающее мужество и патриотизм у мужчин, добродетель и скромность у женщин, — потрясая все основы семьи и воспитания, убивая в зародыше уважение к родителям и послушание воспитателям, целомудрие и стыдливость, верность в любви и браке и сознание долга в материнстве.

Но проповедь всеобщего анархизма произносилась так умело, что легкомысленная нарядная публика, восхищенная роскошной обстановкой и торжественностью «ритуала», не заметила ничего «предосудительного» и ушла из масонского капища, более чем когда-нибудь преисполненная уважением к этому союзу ученых филантропов и практических философов, стремящихся распространить повсюду «свободу, счастье и богатство»...

Этот же день, 5 мая, ознаменовался и первым бедствием. Горячий грязевой поток спустился по руслу реки Белой и затопил сахарный завод, находившийся в ее русле, на берегу моря. Огромная раскаленная лавина — 10 метров высотой и 150 метров шириной — все смела на своем пути. Погибло 24 человека.

Духовенство призывало к покаянию и молитве, которые одни еще могли отвлечь гнев Господень от Сен-Пьера. Все, кто верили и молились, спешили в храмы, а затем на суда, уходящие из обреченного города. Как-то незаметно все паромные линии принуждены были совершать двойные рейсы по всем направлениям.

Массовые отъезды увеличивались с каждым рейсом. Бежали все, в ком оставалась хоть искра совести, все, кто боялся гнева Божия, ибо знали, что Сен-Пьер осужден на гибель, знали также все и почему... Убежавшие из Сен-Пьера были спасены. Многих предупредили вещие сновидения, повторяющиеся до того одинаково, что одной этой одинаковости достаточно было для того, чтобы убедить самых неверующих. Но, увы, ослепленных адскими чарами ничто убедить не могло...

Город как обезумел, не замечая предвестников смертельной опасности. На 8 мая в «городе намечались административные выборы, а потому людям, разгоряченным политической борьбой, некогда было обращать внимание на тихий голос Церкви, проповедующей покаяние и молитву.

Возвышать же голос Церкви Христовой уже не позволялось. Радикальная масонская администрация добилась запрещения открытой проповеди на улицах и в церквях, дабы «сохранить порядок» и воздерживаться от всего, что могло бы показаться предвыборной «провокацией», — крестных ходов и публичных молитв.

И вот в последние дни, которые милость Господня оставляла жителям Сен-Пьера для покаяния, вместо того, чтобы молиться и плакать у подножья алтарей, несчастное, совращенное и одурманенное масонами население плясало и пело политические куплеты, полные кощунства и неприличия.

В ночь на 7 мая улицы Сен-Пьера были полны народа, не расходившегося до самого рассвета. Все увеселительные заведения были заполнены. Всюду гремела музыка. На площади и бульварах играли оркестры. Городское управление делало все, что могло, чтобы «развлечь» публику и не сорвать выборы. Люди точно сошли с ума, стараясь заглушить ужас близкого конца.

Масонская ненависть к христианству высказывалась со страшной силой. Стоило кому-либо из старожилов вспомнить о прошлом извержении и о чудесной помощи Богоматери, спасшей тогда город от огненных потоков лавы, как его осыпали насмешками и злобной руганью. Доходило и до побоищ. Наконец, масоны осмелились взорвать статую Мадонны, полвека охранявшую Сен-Пьер от огненной стихии.

В ответ на молитвенные призывания раздавались проклятия и святотатственные песни озверелых от водки хулиганов, составляющих масонскую армию. Под предлогом «остановки убегающих выборщиков» отряды этой «роты антихристовой», торжественно называющей себя «выборными комитетами», нападали на всякого приличного человека, покидающего Сен-Пьер, с наступлением вечера. Эти шайки политиканов-разбойников окружили несчастный город страхом, как стеной удерживая в городе жителей.

7 мая над городом нависла черная туча. Все пароходы, отходившие в тот день, были переполнены беглецами из Сен-Пьера.

Ученые же в один голос уверяли, что нет причин для бегства, так как извержение по своему характеру будет аналогично предшествующему (в 1851 г.), а к полнолунию оно и вовсе прекратится, и не верующие в Бога верили предсказаниям «ученых».

Улицы вновь наполнились гуляющими. Загремела музыка в садах, на площадях, в бальных залах. Снова раздался веселый смех, шутки, зазвучали куплены.

По улицам потянулись предвыборные шествия с флагами и транспарантами, на перекрестках раздавались обычные агитационные речи.

Закрытие фабрик выбросило громадную массу рабочих на улицу. Толпа этих «сознательных» выборщиков наводнила Сен-Пьер и находилась здесь под влиянием влиятельных масонских радикалов.

По улицам Сен-Пьера расклеивались правительственные афиши, в которых говорилось:

«По точному подсчету наших гениальных ученых, к утру выборов (8 мая 1902 г.) рассеются последние признаки опасности. Граждане колонии спокойно и уверенно проследуют к избирательным урнам Сен-Пьера, исполняя главнейший долг и осуществляя священнейшие права счастливых сынов Французской республики».

Вся эта предвыборная свистопляска под дудку всемирного иудо-масонства наполнила шумом и волнением ночь с 7 на 8 мая. Последнюю ночь Сен-Пьера.

8 эту же страшную ночь в подземной капище-храме совершалась «черная месса» с великим жертвоприношением, заканчивающимся ужасной церемонией раздачи присутствующим жертвенной крови. Все это сопровождалось, согласно ритуалу люциферианства, отвратительными кощунственными действиями и самым гнусным развратом.

Дьявольская оргия была в самом разгаре, когда началось извержение и огненная лава стала проникать в подземные этажи храма. Медленно, бесшумно и неудержимо двигались страшные огненные ручьи. Громадный зал наполнился криками, воплями и проклятиями. По капищу металось стадо обезумевших преступников, преследуемых гневом Господним. Огненная смерть ждала их повсюду. Кипящая лава стала просачиваться сквозь потолок, падая огненными каплями на обнаженные тела мужчин и женщин.

Наконец горящее озеро расплавленного металла заполнило подземное капище. Все было разрушено. От гигантских статуй сатаны, от драгоценной утвари, от золотых лампад не осталось и следа. Все было покрыто лавой.

В самом городе, казалось, ничто не предвещало беды. Рассвет 8 мая был ясный. День обещал быть солнечным. Столб пара из кратера Мон-Пеле поднялся выше обычного, но, кроме этого, не было ничего исключительного или странного в поведении вулкана. Около 6 часов 30 минут океанский корабль с покрытыми пеплом палубами вошел в порт Сент-Пьера и стал на якорь рядом с другими судами. А в 7 часов 50 минут Мон-Пеле разорвался на части.

Прозвучали четыре оглушительных взрыва, похожих на пушечные выстрелы. Они выбросили из главного кратера черную тучу, которую пронизывали вспышки молний. С ураганной скоростью (до 500 км/ч) эта палящая туча — смесь горящих газов, пепла и капелек раскаленной лавы (7000° С) — устремилась к городу. За три секунды она преодолела восемь километров, отделявших кратер от набережной, и Сен-Пьер исчез, сметенный стеной огня.

Когда густой пепел осел, стало видно, что от города ничего не осталось. За какие-то полминуты в Сен-Пьере погибло все. Тысячи людей или мгновенно сгорели, или же мгновенно задохнулись. Все дома, все постройки были разрушены. Двадцать верст пылающих развалин.

Спаслись только те, кто успел отплыть от берега. Не успевшие отшвартовать суда сгорели или были перевернуты, вода в гавани закипела. В городе спасся только один человек, защищенный толстыми стенами городской тюрьмы.

Но и это еще не конец! 20 мая над остатками Сен-Пьера пронеслась еще более сильная раскаленная туча, разрушая все, что еще частично сохранилось в городе.

Город с населением 43 тысячи человек в мгновение ока исчез с лица земли, чуть ли не две трети острова превратилось в кладбище.

Застывшая лава образовала над вулканом странный монумент, похожий на перст, высотой 400 метров, который разрушился только в 1903 году. Целый год этот природный обелиск напоминал людям о том, что место сие есть место гнева Божия, «ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1, 18).

Однако вся европейская печать упорно замолчала подробности такого чудовищного события. Замалчивание о Мартинике означало, что масоны не могли допустить, чтобы человечество стало задумываться над значением явлений, возвещающих гнев Божий.

Масоны больше всего боятся пробуждения веры и благочестия, а потому обо всем, что ясно до очевидности говорит о небесном возмездии, замалчивают в своей прессе.

Христианские народы не должны были видеть, что ответом на святотатства богоборцев явилась гибель Сен-Пьера... Все эти грозные явления тонули в безбрежном море пустых сплетен и политической чепухи, наводняющих человечество, благодаря стараниям международной иудо-масонской печати.

Только от беглецов из Сен-Пьера, которых насчитывалось до 3 тысяч, можно было узнать о катастрофе и о том, что ей предшествовало.

28 декабря 1908г. миру стало известно о гибели города Мессины и еще 25 населенных пунктов в Италии. Одновременно с подземными толчками на страну обрушились ураганы, 15-метровая волна цунами, двигавшаяся со скоростью до 1000 км/ч, и ливневые дожди. Погибло от 160 до 250 тыс. человек.

Причины те же — самое отвратительное святотатство, кощунство, магия, оккультизм, богоборчество, на которое громовым ответом послужило губительное землетрясение... И море, и недра земные сотрясаются от негодования при виде богопротивных деяний человеческих...

Для Творца Всемогущего все возможно: и природа бездушная повинуется Ему, столь же «разумно» исполняя Его повеления, как и разумные существа. А человек, разумное создание Божие, безумствует, бунтует против своего Творца, и неразумная природа мновением Божиим вразумляет безумца.

Грозными явлениями в природе Бог призывает человечество образумиться, покаяться и вернуться к своему Творцу.

ВСЕЛЕНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ КРУГ

Прежде чем приступить к разговору об изначальном духовном содержании Церковного круга, нам следует хорошо усвоить смысл предшествовавших его становлению эпох жизни человечества — выучить «азбуку» духовного счета, внутреннего содержания каждой его части дня, недели, месяца и года.

А начало рождения этой «азбуки» уходит в далекую допотопную древность. Согласно церковному преданию, первыми астрономикалендарниками были потомки третьего сына Адама — Сифа. Отраженное в Библии долголетнее их житие давало им возможность на протяжении сотен лет наблюдать циклическое, Премудростью Творца устроенное чередование дней, месяцев и лет. От их конкретных знаний до нас не дошло никаких засвидетельствованных историей документов, однако воды потопа не смогли изгладить из живой памяти потомков Ноя всего этого знания. Оно продолжало свою жизнь как в памяти патриархов, так и в искаженных языческими представлениями, мифологизированных календарях Древнего Египта и Вавилона, Китая и Индии.

Народы мира, после разрушения Вавилонской башни, рассеялись по лицу всей земли и на основе сохранившихся знаний начали строить свои, иногда существенно отличные, календарные схемы.

Иудейский историк Иосиф Флавий, живший в I веке по Р. Х., говорит, что календарь патриархов имел следующий вид: год состоял из 360 дней, из 12 месяцев по 30 дней, по истечении которых в конце года добавлялось еще 5 дней. Каждый четвертый год был, как и у нас сейчас, високосный, состоявший не из 365, а из 366 дней. Причем каждые 150 лет патриархи выбрасывали 1 день, так что лишь спустя 600 лет календарный круг возвращался к своему истоку. 600 лет — это и есть Великий год первого в мире календаря.

Первый патриарх — Адам, он же и первый пророк, предсказывал своим детям и внукам не только ужасное развращение его потомков, а и гибель их от гнева Божия — потопа. А потому потомки благочестивого Сифа, желая сохранить свои многовековые знания, высекли их на каменном и кирпичном столбах. Иосиф Фла-

вий говорит, что даже в его время они были где-то в Сирии. Таким образом звездный опыт первых астрономов не погиб под волнами потопа, а сохранился и был в чем-то продолжен, а в чем-то искажен слепопотопной цивилизацией. Именно на фундаменте этих знаний и были построены все дальнейшие календари, именно они — основание современной науки — астрономии. Поскольку не утаилось от патриархов зрение взаимосвязи в движении солнца и луны (что каждый год, когда солнце завершает свою годичную дорогу, луна обязательно 12 раз успевае́т пройти все свои возрасты — от узкого серпа молодого месяца до полнолуния и вновь до своего нового рождения в лучах вечерней зари), то эту догму они увековечили в 12-частном разделении всей дороги солнца — годичного его круга, которым мы все и пользуемся до сих пор. Но, пожалуй, одним из самых первых астрономических открытий было для них зрение времен года — сезонов, их четырехчастность (весна, лето, осень, зима), а также взаимопротивоположность весны—осени и лета—зимы, а потому годичный круг солнца был для патриархов «разделен и связан» Крестом. Круг, как год солнца, и Крест, как формула каждого года, как четыре его сезона, являлись и до сих пор являются краеугольным камнем жизни всей твари и нашего понимания Премудрости Творца, явленной всем в чине жизни природы.

Церковные часы — как зеркало Всемирной Истории

Древнейшая из слепопотопных цивилизаций — Египетская — строила и вела свою жизнь по такому же, как и патриархи, солнечному календарю. Год египтян состоял из 12 одинаковых 30-дневных месяцев. В конце года, после 360-го дня, они так же, как и патриархи, делали 5-дневную вставку.

По египетским верованиям, бог солнца Ра совершал свое как дневное, так и годичное шествие по кругу. Восходя каждый день на один «шаг» дальше, он медленно продвигался от места своего летнего самого крайнего северного восхода — солнцестояния до точки своего самого южного восхода — зимнего солнцеворота. При этом его движении полуденная высота так же медленно то уменьшалась,

то увеличивалась. Видимую дорогу Ра по дневному небу жрецы разделили на 12 равных частей, так что появление Ра над горизонтом означало наступление 1-го часа. По мере того как Ра-солнце в своей дневной ладье поднимался все выше и выше над землей, его облик непрерывно изменялся, так что для египетского мудреца сказать, который час дня, значило назвать число-имя-образ бога Ра, присущий этому времени. И хотя зимой дни были короткими, а летом длинными, и летние часы были длиннее зимних, но череда 12-ти метаморфоз бога Ра оставалась неизменной, что требовало от египтянина умения мысленно делить дневную дорогу Ра на 12 равных частей и неукоснительно следить за его путешествием и перевоплощением в новые образы. Когда Ра подплывал к западному горизонту, то там его уже ожидала ночная ладья, пересадка в которую означала начало 1-го часа ночи — часа «поражения врагов Ра». Жрецы видели новые облики Ра во время его дневного путешествия, но ночью Ра становился невидимым для них. 12 часов ночи были 12 схватками-боями Ра с чудовищами преисподней. И поскольку следить за Ра было невозможно глазами, жрецы нашли выход как «видеть» эти подземные бои, как соучаствовать в них и помогать богу своими ночными обрядами в его борьбе и победе над силами тьмы и зла. Ночной восход самых ярких звезд — богов-деканов — стал тем компасом, глядя на который, они безошибочно определяли ночные часы, и следили за тем как Ра в самую полночь поражал своего злейшего врага — змея-дракона Апони.

Если 6-й час дня, полдень — это был час «подъема», когда Ра-солнце висел над всем миром в своем самом величественном образе, то противоположный ему 6-й час ночи — это был час смертельной схватки и победы над злейшим его врагом — драконом Апони. А когда ночная ладья Ра вновь подплывала к восточному берегу и заканчивалась ночь, бог, одержав в 12 боях победу над чудовищами смерти и тьмы, пересаживался в дневную ладью, которая его уже ждала у горизонта, и вновь становился «блистающим», а в руках окружавших его богов был символ вечной жизни, символ власти Ра над миром, символ его победы над чудовищами преисподней и их главой — драконом Апони, символ победы света над тьмой АНХ-КРЕСТ.

Круг — как дорога Ра и Крест, как четыре главные точки этой дороги: восход—полдень—заход—полночь. Все это отразилось в символе и стало формулой жизни высшего божества. От восхода до восхода, от торжества света над тьмой до торжества света над тьмой, от победы Ра над темными преисподней до такой же победы велся счет дней и часов в Древнем Египте. И АНХ-КРЕСТ — символ вечной божественной жизни и власти — был одновременно для жрецов формулой счета часов в каждом дне. Они видели его каждый день перед своими глазами, а потому и изображали всех своих богов с этим символом в руках. А фараон, как живой бог на земле, в знак своей наивысшей божественной власти восседает на троне со сложенными КРЕСТООБРАЗНО руками.

Круг — как годовое и суточное движение солнца и крест — как указание на сезоны года и основные положения солнца в течение суток — превратились в умах египетских жрецов в символы — атрибуты бога Ра, высших богов и фараона.

Так посреди тьмы языческого неведения Истинного Бога сохранялось в символах откровение Бога человечеству: Искупитель людей есть Агнец, закланный от сложения мира, и орудие Его заклания — святой Крест. И чтобы народы земли, жившие в исторические эпохи за века и тысячелетия до пришествия Искупителя, не были лишены совершенно знамений и знаков их будущего искупления, Творец мира во всем мироустройстве предначертал премудрость, указывающую на Крест Христов.

Как повествует Священное Писание, святой пророк и Боговидец Моисей родился в земле Египетской в 3759 году от сотворения Адама. Чудесным образом избежавший смерти и воспитанный при царском дворе, он был научен всей «премудрости египетстей» (Деян. 7, 22). Так же, как и жрецы, он умел читать и писать иероглифами, умел считать часы дня и видеть тайный смысл АНХА-КРЕСТА. Потому, будучи призван Богом возглавить исход народа Божия из земли Египетской, освободить своих братьев по крови от рабского каторжного труда, он не пренебрег и не предал всецело забвению этой премудрости. В его руках Премудрость Творца, очищенная Духом Божиим от языческих одежд, приобрела истин-

ное обличие, истинное, предначертанное Создателем, содержание и смысл, — хотя еще и не явное, но уже яснее указывающее на имеющую совершиться в будущем, крестными страданиями Испытателя человечества, тайну спасения.

После того, как «прошли» по Египту 9 казней и фараон все еще не хотел расставаться с миллионным отрядом своих рабов-израильтян, Господь повелел Моисею приуготовить своих братьев к последней, самой страшной, 10-й казни. Ровно в середине первого весеннего месяца, днем, все избранные готовили Пасху — резали однолетних, без порока овнов и козлов, пекли их на огне и собирали вещи в узлы — готовились к наступающей ночи. И вот когда Ра пересел на свою ночную ладью и начался 1-й час ночи — «час поражения врагов Ра», на косяках дверей всех домов израильтян кровью закланых и приготовленных в снедь овнов были нарисованы КРЕСТЫ — Тайная, Пасхальная, ведомая лишь Израилю и сокрытая от египтян, вечеря началась.

И по мере того, как египетские жрецы следили за победами своего бога-солнца, по мере приближения решающего полуночного его боя с самым сильным своим врагом — драконом Апони, народ Божий ожидал обещанного Истинным Богом освобождения от плена. Наконец восходит 6-й ночной декан — звезда-бог, и Ра побеждает властителя тьмы. И в это время во всем Египте совершается великое знамение: не победа Ра над тьмой, но победа Бога Авраама, Исаака и Иакова над демонами египетской лжи. Ангел-губитель прошел по всей земле Египетской и во всех домах, где не было кровавых крестов, поразил насмерть всех первородных, начиная от первенца фараона и кончая первенцами всякого скота. 10-я, последняя казнь совершилась. И вот уже сам фараон требует к себе Моисея и, еще находясь в ужасе от зрения мертвого своего наследника, молит его поскорей уйти, покинуть его страну.

Рассвет. Ра пересел на свою дневную ладью, начался новый день. Боги держат в руках символ победы света над тьмой — АНХ—КРЕСТ, а египетские жрецы и все египтяне с ужасом готовятся к погребению тысяч и тысяч своих мертвецов. Крест в руке Ра — как победа света над тьмой, и крест в руке Моисея — как

победа Истинного Бога, Творца неба и земли, над всем языческим заблуждением.

После великих чудес и знамений, явленных Богом в земле Египетской, исполнилось данное Аврааму обетование. Господь избавил из рук фараона, освободил от рабского плена всех его потомков. И теперь они, водимые Моисеем, идут в землю Обетованную.

Через несколько дней израильтяне остановились станом у Чермного моря, и вдруг у себя за спиной увидели погоню воинства фараонова. Фараон вновь передумал и решил возвратить рабов на свои рабочие места. Что делать? И вот Моисею вновь повелено свыше: силою спасительного Креста, знаменуя его на неприступной стене — морской пучине, освободить Израиль от возвращения в неволю и погубить всю силу войска фараона. Он поднимает жезл и крестообразно знаменует им море, и море подчиняется силе своего Творца и силе Креста, расступается, и «яко по суху пешешествует Израиль», убегая от своего врага. А когда израильтяне оказываются на другом берегу, а войско фараона, гонящееся вслед, продолжает находиться между стенами морской воды, Моисей вновь поднимает жезл и крестообразным его движением возвращает воды морские в свои пределы, и в мгновение ока погубляет все войско фараона египетского. Крест — как символ Премудрости Божией, как символ чина жизни природы, становится в руках Моисея знаменем победы над демонами Египта, знаменем освобождения из рабства и всемогущей спасительной десницы Истинного Бога, а вместе с тем прообразует то, что должно совершиться спустя много веков: освобождение Израиля и всего человечества от рабства греху и диаволу, от тьмы смертной, и дарование вечной жизни.

И вот уже приближается 50-й день, как Израиль силою Креста на косяках дверей и знамения его на Чермном море получил свободу и идет в землю Обетованную. Народ Божий приблизился к горе Синай и стал станом у ее подножия. *И в третий день бывшу ко утру, и быша гласи и молния и облак мрачен на горе Синайстей, глас трубный глашаше зело, и убояшася еси людие, иже в полце* (Исх. 19, 16). *Сниде же Господь на гору Синайскую на верх горы, и воззва Господь Моисея на верх горы, и възыде Моисей* (Исх. 19, 20).

Именно в этот день Моисей получил первые заповеди Божии и, спустившись с горы, *поведа людем вся словеса Божия и оправдания. Отвещаша же еси людие гласом единым, глаголюще: вся словеса, яже глагола Господь, сотворим и послушаем. И написа Моисей вся словеса Господня: обутрев же Моисей заутра, созда олтарь под горою, и дванадесять камений в дванадесять племен Израилевых: и посла юноши сынов Израилевых, и принесоша всесожжения, и пожроша жертву спасения Господу Богу тельцы. Взем же Моисей половину крове, вляя в чаши, половину же крове возля на алтарь, и взем книгу завета, прочте людем во уши. И рекоша: вся, елика глагола Господь, сотворим и послушаем. Взем же Моисей кровь, окропи люди и рече: се, кровь завета, его же завеща Господь к вам о всех словесех сих* (Исх. 24, 3—8).

До прошлого века все, как иудеи, так и христиане, считали, что данные Моисею на горе Синай заповеди были записаны именно той грамотой — алфавитом, которым до сих пор пользуются все иудеи. В нем 22 буквы, первая Алеф — что значит Бык, а 22-я Тав — † — Крест. Само собой разумеется, в очертаниях этих двух букв никто не мог увидеть иероглифическое сокращение-обозначение как быка, так и креста, и само собой напрашивалось объяснение: Алеф-Бык и Тав-Крест, как и другие буквы, были названы так для удобства запоминания этой Богом данной азбуки. Но вот археологические находки прошлого и этого веков привели археологов и лингвистов к открытию: современная иудейская азбука — это не первоисточник, а гораздо более позднее изобретение, т. е. современный иудейский алфавит, верно отражая в себе древний чин по звучанию, по написанию совершенно не похож на него. Истинный Моисеев алфавит — азбука ветхозаветных иудеев, а также история происхождения современного — талмудического иврита зримо представлена учеными.

Древняя Моисеева азбука и современная иудейская по своей орфографии коренным образом отличаются друг от друга. Если первая буква Алеф — Бык современного талмудического иудаизма ничего не говорит о своем названии, то Алеф — Бык Моисея есть не что иное, как символическое изображение быка, а Тав — Крест

развеивает всякое сомнение в том, что названия букв — это не удобство для запоминания, а полное соответствие буквенным символам. И если это безусловно так, то мы должны четко себе уяснить следующее.

Первая буква Богом данной на Синае азбуки Бык-Алеф была для Моисея и его первых учеников живым зримым напоминанием о завете в 50-й день по Исходе *егда пожроша жертву спасения Господу Богу тельцы* (Исх. 24, 5). А последняя буква этой азбуки откровения, Тав-Крест •/-, была напоминанием о крестах на косяках дверей домов израильтян в ночь Исхода, и таким же непреложным свидетельством силы Креста, знамением которого Моисей рассек пучину морскую и затем потопил все войско фараона. А потому мы с уверенностью можем утверждать, что 22-я буква Крест-Тав — 7~ — служила лаконичным ежедневным напоминанием каждому иудею эпохи Иисуса Христа о его священной истории, о событиях далекой патриархальной давности: об Исходе из Египта и победе над фараоном, о горе Синай и скрижалях Завета. Став лаконичной формулой Священной истории, Тав ~/~ — не утратил своего изначального содержания — обозначения главных вех пути солнца как в году, так и в течение дня. Указывая на весну, лето, осень и зиму, а также на восход, полдень, заход и полночь, Тав-Крест одухотворял и освящал все эти состояния природы их связью со спасительными событиями истории Ветхого Израиля. Таким образом, жизнь самой природы и самое главное ее проявление — движение солнца стали учителем этой истории. Природа сбросила свои греховные наряды — египетское мифологическо-демоническое зрение ее жизни, и облеклась в священное облачение Ветхозаветной истории и богослужения, стала самым ярким и наглядным, понятным и убеждающим памятованием о Невидимом Боге и Его зримом попечении о Своих сынах и дочерях.

Восход, полдень, заход, полночь, и АНХ-КРЕСТ напоминает каждому египетскому жрецу о жизни бога Ра: горизонтальная линия Анха указывает своим левым концом на начало дня — восход Ра, его пересадку с ночной ладьи в дневную, а правый ее конец напоминает о заходе Ра и начале часа поражения его врагов; вертикаль-

ная же линия верхним концом приводит на память Ра в полудне, а нижним — о Ра, побеждающем в полночь силы тьмы.

Восход, полдень, заход, полночь, и ТАВ-КРЕСТ напоминает каждому израильянину: как на восходе солнца *наутрие Пасхи изыдоша сынове Израильстии рукою высокою пред всеми египтяны* (Чис. 33, 3), а на заходе светило великое вновь напомнило каждому благочестивому ветхозаветному иудею о пасхальной трапезе, когда их отцы ели *мяса в ноци той печена огнем и опресноки с горьким зелием* (Исх. 12, 8). В полдень — как открыл Господь Моисею тайну сотворения человека: *сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его* (Быт. 1, 27) и *вдуу в лице его дыхание жизни: и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7). И в полдень же совершилось грехопадение: *и вземши от плода его яде, и даде мужу своему с собою, и ядоста. И отверзошася очи обема, и разумеша яко нази беша: и сшиста листвие смоковное, и сотвориста себе препоясания. И услышаста глас Господа Бога ходяща в рай по полудни* (Быт. 3, 7—8). Нижний, полунощный конец ТАВА-КРЕСТА, вновь возвращал мысль сынов Божиих к той спасительной полночи, когда *бысть же в полунощи, и Господь порази всякого первенца в земли Египетстей, от первенца фараонова седящаго на престоле, до первенца пленницы, яже в рове, и до первенца всякаго скотска* (Исх. 12, 29).

Хотя Моисей и его сородичи прекрасно знали схему счета по часам (ведь она была изобретена египтянами более чем за 2 тысячи лет до Р. Х. и израильяне жили в ее «окружении», начиная от Иосифа и кончая Моисеем, — целых 230 лет), но в книгах Ветхого Завета мы ее нигде не наблюдаем. И в этом неприятии Моисеем египетского счета по часам, имеющим каждый свое название и соответствующий ему образ бога Ра, видно не только отрицание языческого идолопоклонства и служения твари (звездам, солнцу, луне) паче Творца, а и промыслительное выделение в круге дня главного — ТАВА-КРЕСТА. Моисей и его ученики не считали по схеме часов, но неуклонно следили за движением светила великаго по схеме КРЕСТА. Если в Ветхом Завете нигде нет упоминания о часах, то об утре, полдне, вечере и полночи свидетельств так много, что мы считаем излишним это перечислять. Именно этот ветхозаветный

счет — по Кресту, глядя на ТАВ, вспоминая свою Священную историю и одновременно ориентируясь, во временном природном пространстве, вплоть до пришествия Спасителя — и был главным как в житейской, так и в Богослужебной практике иудеев. Даже будучи в плену Вавилонском и заимствовав от вавилонского календаря многие элементы, израильтяне вновь не приняли пустивший уже глубоко свои корни в землю вавилонской культуры этот египетский счет по часам. Верность ТАВУ-КРЕСТУ, как зеркалу своей истории и как компасу ориентации в сутках, возбраняла вавилонскому календарному обычаю войти в жизнь Израиля. Жизнь по Кресту и сохранение в чистоте этого счета являлась, таким образом, предуготовлением Израиля, а вместе с ним и всего человечества, к принятию и познанию тайны КРЕСТА ГОЛГОФСКОГО.

Первыми, кто перенял у египтян схему счета по часам, были вавилоняне. От них этот счет заимствовали греки, у греков — римляне, а у римлян — иудеи эпохи жизни Иисуса Христа. День начинался у египтян, греков и римлян с восхода солнца, хотя римляне в силу своих ночных мистерий и жертвоприношений иногда начинали счет с полуночи. Вавилоняне же свой день начинали с захода солнца. Преобладание дневного солнечного над ночным лунным в Египте и лунно-ночного над солнечно-дневным в Вавилоне утверждено как египетскими, так и вавилонскими мифами. Такое путешествие часовой схемы счета дня по Азии и Европе, из одной цивилизации в другую, привело к тому, что изначальный смысл этого разделения, тот, против которого восстал Моисей, был на греко-римской почве утрачен, а потому как греки и римляне, так и иудеи эпохи жизни Иисуса Христа пользовались ею в ее чисто математическо-геометрическом «облачении», как формулой-схемой видимого суточного движения солнца вокруг земли. При этом надо не забывать о том, что все-таки принятая иудеями схема счета по часам не вытеснила, а была «наложена» на традиционную Моисееву схему по ТАВУ-КРЕСТУ. Таким образом, принятие иудеями языческой схемы часов стало предуготовлением к принятию язычниками иудейской схемы КРЕСТА, дверью, приводящей к подножию КРЕСТА Голгофского. Происшедшее «очищение» этой схемы часов от ее греховного египетского «наряда» привело к предуго-

товлению ее для принятия нового священного мессианского облачения. Жизнь Иисуса Христа проходила одновременно как на фундаменте креста Моисеева, так и на фоне часов языческих. И если первый указывал на Него, то второй освящался от прикосновения к Нему; если первый был пророчеством о Нем и прообразом Его, то второй — свидетелем исполнения этого пророчества, свидетелем возвращения прообраза к своему Первообразу.

Иудеи эпохи Иисуса Христа помнили и хранили веру в спасительную и живоносную силу ТАВА-КРЕСТА, начертание которого спасло их прародителей от смерти в пасхальную ночь исхода из Египта. Они не забыли той Божественной, погубляющей полки врагов его силы, которой Моисей потопил фараона и позже, крестобразно воздев к Богу руки, одолел Амалика. Об этом свидетельствуют найденные археологами надписи и монеты, на которых даже во время восстания Бар-Кохбы (132—135 гг. по Р. Х.) еще использовалось Моисеево написание Тава — -/- . Свидетельствует и Святое Евангелие. Ведь последний из ветхозаветных пророков Иоанн Предтеча — Иоанн Креститель, предходя пред Мессией, предсказывая Его приход и готовя народ к Его благовестию, проповедовал крещение покаяния во отпущение грехов (Мк. 1, 4), совершал этот обряд погружения в воду не произвольно, а с использованием всем понятной и известной силы ТАВА-КРЕСТА, за что и был назван — крестителем, а сам этот обряд очищения — погружения в воду именно чрез него стал называться крещением. Крест как щит и как оружие, как спасительная защита и несокрушимая победа, как спасение от смерти и победа над врагом — вот как мыслился этот все-ленский знак в умах иудеев того времени. Но был ли пророк Иоанн творцом самого погружения в воду как очищения-крещения, или он использовал уже имевшую место в жизни иудеев практику, и его роль лишь в том, что он предал этой практике новый мессианский смысл? Ведь в Евангелии от Марка читаем (7, 8): *держите предания человеческая, крещения чваном и стекляницам, а также в Евангелии от Луки: Фарисей же видев дивися, яко не прежде крестися (не первее умыся) прежде обеда* (11, 38). Как видим из этих евангельских слов, для иудеев мытье посуды, а также умывание рук и

лица являлось **крещением!** Очищение водою от грязи как вещей, так и тела они называли **крещением**. Ведь буквальный смысл этих евангельских слов свидетельствует о древней и широкой практике среди иудеев очищения как крещения, что может быть понято лишь в связи с Моисеевым крестом, крестом, потопившем фараона, и крестом — 22-й буквой истинного Моисеева алфавита. И если в жизни иудеев эпохи Христа имело такое широкое употребление знамение ТАВА-КРЕСТА на воде и воспоминания при этом о ТАВЕ-КРЕСТЕ Моисея, то не Иоанн Предтеча является творцом погружения в воду — крещения, а тысячелетняя иудейская традиция. А историческая роль Иоанна Крестителя в том, что он раскрыл в этом древнем иудейском обычае его истинный, сокровенный в течение веков, таинственный смысл — преобразование крещения во оставление грехов. Ведь если еще Моисеем, по повелению Бога, иудеям было дано указание об омовениях тела и различных предметов, то, несомненно, оно имело не один только бытовой смысл, но и сокрытый, преобразовательный, то есть за века вперед указывающий на имеющее совершиться в будущем омовение-крещение для отпущения грехов. В древности крещение было очищением от внешней грязи, грехи по закону Моисея мог отпускать лишь левитский священник и лишь после принесенной за грех жертвы, и вне левитского жертвоприношения грехи никоим образом не могли быть отпущены. Иоанн Предтеча по-новому, по-мессиански истолковал древний иудейский обычай, извлек из него тысячелетиями хранимый в нем тайный преобразовательный смысл. Как Иоанн Пророк был предтечей Мессии Иисуса Христа, так же и иудейский обычай *крещения чванов и рук*, как внешнее очищение водой от грязи, был предтечей христианского внутреннего очищения от грехов в купели Святого Крещения.

О времени совершения Тайной вечери и искупительных страданий Христовых

Накануне Своих искупительных страданий Господь Иисус Христос совершил со своими учениками Тайную вечерю, где было установлено таинство нового завета.

Евангелист Лука говорит: *Настал же день опресноков, в который надлежало заколоть пасхального агнца, и послал Иисус Петра и Иоанна, сказав: пойдите, приготовьте нам есть пасху* (Лк. 22, 7—8).

Опресночные семь дней у иудеев, согласно закону, начинались с первого дня Пасхи (Исх. 12, 16—20). Следует помнить, что начало суток у иудеев считается с вечера — с 18 часов. В это время в Палестине заходит солнце, по крайней мере весной, и таким образом, граница суток здесь — заход солнца, а не полночь, как у нас. И потому, если сказано: «С 14-го дня первого месяца с вечера ешьте пресный хлеб», — это означает, что опресночные дни и Пасха начинаются с 14 нисана с вечера, то есть сразу же после захода солнца в конце 13 нисана. Так же именно утверждает и Иосиф Флавий.

И до сих пор иудеи отмечают праздники, следуя ветхозаветной традиции, начиная совершать их всегда непременно с вечера, как бы накануне дня праздника.

И Православная Церковь, хотя использует юлианский календарь, границей суток считает, однако, 18 часов вечера, по ветхозаветной традиции, а не полночь. Даже богослужбное последование предстоящего дня начинается вечером с вечерни, как сказано: *Вечер и завтра и полудне повем, и возведу, и услышит глас мой* (Пс. 54, 18).

Пасхального агнца надлежало заколоть *вечером при захождении солнца* (Втор. 16, 6), и приготовление к этому совершалось, конечно, заранее. Поэтому когда евангелисты пишут: *В первый день опресноков* (Мк. 14, 12), *когда надлежало заколоть пасхального агнца* (Лк. 22, 7), то надо понимать так, как изъясняет святитель Иоанн Златоуст: «Первым опресночным днем евангелист называ-

ет день, предшествовавший празднику опресноков, так как иудеи всегда имели обыкновение считать день с вечера. Евангелист упоминает о том дне, в который вечером должно было заколать пасхального агнца, так как ученики приступили к Иисусу в пятый день недели».

«В пятый день недели» — по нашему счету в четверг, ибо иудейская неделя исчисляется по «субботам», а православная — по «воскресеньям».

Итак, апостолы Христовы, когда настал день 13 нисана, следуя обычному укладу жизни евреев, подошли к своему Учителю с предложением приготовить пасху. *Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками* (Мф. 26, 20). Вечер — относится уже к следующему календарному дню по еврейскому счислению дней, то есть к 14 нисана — пятнице. По нашему привычному счету — вечер четверга. Таким образом, Иисус Христос совершил ветхозаветную Пасху вечером 14 нисана, строго в соответствии с законом, ибо Он пришел исполнить закон, а не нарушить, и до конца исполнил его.

Тайная вечеря начиналась с ветхозаветной Пасхи, когда, по обычаю, предлагались четыре чаши вина, которые выпивались всеми присутствующими на пасхальном вечере. Кроме того, ставилась особая пятая чаша — чаша пророка Илии (Элиягу). По еврейскому преданию, пророк Илия посещает каждый пасхальный вечер и выпивает несколько капель из своей чаши.

Символы ветхой Пасхи отобразились на Тайной вечери нового завета. Пришел Духоносный Гость в горницу Сионскую. Не пророк Илия, которому ставят пятую чашу, а Сам Господь Иисус Христос, и совершил Пасху, веками, со времени Моисея, прообразовавшую имеющее совершиться Им искупление. Это было 13 нисана, а поскольку отсчет дня идет с вечера (*и был вечер, и было утро — день один*), то уже начинался пасхальный день 14 нисана. Совершилась ветхозаветная Пасха, по закону, где вкушали горькие травы и выпивали четыре чаши вина. И после четырех обычных чаш ветхой Пасхи Христос взял пятую благодарственную чашу пророка Илии и явил тайну: *Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового За-*

вета, и хлеб — сие есть Тело Мое (Мер. 26, 26 — 27). Последняя, пятая чаша, была уже евхаристическая — чаша Крови нового завета. И это была последняя ветхозаветная Пасха для Израиля, которую совершил Сам Господь с учениками своими. Ею завершается весь ветхий завет.

Далее уже наступает таинство нового завета — истинного, основанного не на прообразовательной крови ветхозаветного агнца, а на истинной крови Агнца Божия, Христа Спасителя.

Господь пожелал, чтобы образ и истина как бы встретились в одно время, именно 14 нисана, в пятницу. И совершилось для всех заклание Агнца Божия.

Итак, нет никакого сомнения, что по времени Тайную вечерю, на которой было установлено таинство нового завета и которая начиналась с ветхозаветной Пасхи, Иисус Христос совершил в строгом соответствии с законом, то есть вечером в пятницу, в день иудейской Пасхи, накануне Своего распятия. Тайная вечеря — это таинство жертвенной любви Бога к Своему творению, и заповедано: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19).

День Искупления человечества из рабства греху и смерти, день ветхозаветной Пасхи, день весеннего равноденствия — день крестных страданий и смерти Богочеловека, Мессии Иисуса Христа. *И приведоша Его на Голгофу место, еже есть сказано Лобное место. И даяху Ему пити есмирнисмено вино: Он же не прият. И распениши Его разделиша ризы Его, метающе жребий о них, кто что возмем. Бе же час третий, и распята Его. И бе написание вины Его написано: Царь Иудейск. И с Ним распята два разбойника, единого одесную и единого ошуюю Его. И мимоходящии хуляху Его, покиваяще главами своими и глаголюще: уа, разоряяй церковь и. трети деньми созидаай, спасися сам и сниди со креста. Такожде и архиерее ругающесе, друг ко другу с книжники глаголаху: ины спасе, себе ли не может спасти? Христос, Царь Израилев, да снидет ныне со креста, да видим и веру имем Ему* (Мк. 15, 22—32).

И вот, когда солнце поднялось до полуденной высоты и заняло свое высочайшее положение над миром, напоминая всем иудеям о сотворении Адама и его **грехопадении**, *бе же час яко шестый, и*

тма бысть по всей земли до часа девятого (Лк. 23, 44). С полдня началось бытие человечества — был сотворен Адам, с полдня весь род людской погрузился во тьму греховную — совершилось грехопадение, и вот, как указание на искупительное воссоздание Ветхого Адама, как знак на тьме духовной вселюдской, меркнет солнце и на фоне сияющих над ним звезд созвездий Овна и Рыб висит на кресте «Агнец Божий, взявляй грехи всего мира».

Посем ведый Иисус, яко вся уже совершишася, да сбудется Писание, глагола: жажду. Сосуд же стояше полн оцта. Они же исполнивше губу оцта и на трость вонзше, придеша ко устом Его. Егда же прият оцет Иисус, рече: совершишася. И приклонь главу, предаде дух (Ин. 19, 28—30).

Девятый час — середина дороги солнца от полдня до захода — именно в это время после грехопадения затворились райские за спиной у Адама и Евы: *И изгна его Господь Бог из Рая сладости делати землю, от неяже взять бысть* (Быт. 3, 23). А потому именно в это время, как указание на то, что смертью Христа совершилось искупление и кончилась тьма греха, вновь засияло солнце. А потому именно в это время ведущая во Святое Святых церковная завеса *раздрася на двое, свыше до низу* (Мк. 15, 38), указывая всем нам на отверстые крестной смертью Христа райские, небесные врата. Кончилась тьма, и вновь засияло солнце — как кончилась тьма греха и проклятия и воссиял свет праведности и прощения. Раздралась церковная завеса — как отворились смертью Нового Адама закрытые грехом Адама ветхого райские двери.

Седмица страданий Христа являла седмицу творения мира Творцом. Время воссоздания человека было избрано таким же, как и при творении. Здесь глава времени.

При творении солнце и луна были созданы в 4-й день (среда), а человек — в 6-й день, пятницу. Здесь же, при воссоздании человека, Господь сводит к одному дню и луну в фазе полноты, и пятницу, и Пасху иудейскую. Исходя из мысли о сосредоточении времени, можно предполагать, что и равноденствие было приурочено к этому же времени.

И получается, что первое время творения — равноденствие, и

весь шестоднев миротворения сводится воедино ко дню страданий Мессии Христа — пятнице, дню иудейской Пасхи.

В год 5508 от сотворения мира, или 42 г. н. э., совпадали равноденствие, полнолуние, пятница, иудейская Пасха. Равноденствие в этот год хотя и было 22 марта, в 23 час. 02 мин., в четверг, но по иудейскому счету — в пятницу, 14 нисана, вечером, и, строго говоря, предвляло час страданий Христовых.

Исследователи утверждают, что не только солнце и луна, но и вся картина звездного неба при распятии была такая же, как при творении человека, в шестой день миротворения — в пятницу.

Таким образом, совпадали время творения и время воссоздания человека — 23 марта. А по прошествии субботы пришел и славный час, и уже на заре восьмого дня (25 марта) Ангелы возвестили женам-мироносицам: Христос Воскресе!

О том, что апостолы и их ученики свято хранили память о спасительной чреде часов Искупительной Пятницы, свидетельствуют древнейшие письменные памятники. Так, в «Завещании Господа нашего Иисуса Христа», канонах Ипполита и Египетских канонах, относящихся к середине II — половине III вв. по Р. Х., единогласно говорится об этом. В них мы слышим продолжение евангельско-апостольских наставлений: «Пусть молятся и в третий час, так как в это время Спаситель добровольно был распят для спасения нашего, чтобы даровать нам свободу. Затем молись в шестой час, так как в этот час вся тварь пришла в смятение из-за ужасного преступления — распятия. Да будет молитва со скорбью в шестой час. Ибо тогда разделен день мраком. В час девятый опять пусть молятся, так как в этот час Христос молился и предал дух в руки Отца... ибо в этот час Христос был прободен в ребро копьем, истекла кровь и вода, и затем Он просветил еще остаток дня до вечера» (Толковый Типикон. М., 1910).

Именно поэтому Святая Православная Церковь, в спасительное назидание всем нам, и живет этой чредой церковных часов. Каждый день в храмах совершается богослужебное чтение 1, 3, 6 и 9-го часов, в которых вновь и вновь воспоминаются и переживаются те евангельские искупительные часы Крестной Пятницы Иисуса Христа.

Итак, мы видели, что если от умственного взора египтян было сокрыто таинственное прообразовательное значение искупительного КРЕСТА, хотя они, по человеколюбию Божию, и не были лишены совсем этого спасительного знамения Сына Человеческого, и если КРЕСТ-ТАВ для древних евреев был глубоким космическим духовным символом, в котором отражалась спасительная, прообразовавшая будущее мессианское время, история народа Божия, — то теперь КРЕСТ, как «знамение Сына Человеческого», как символ Его победы над грехом, смертью и диаволом, облачен во всю силу своего исторического значения. Он, Крест, открывавшийся для древних лишь в формуле движения солнца и ритма жизни в согласии с ним, теперь уже есть крест Голгофский — как вершина Любви Божией к человеку. Совершилась полнота исполнения всех прообразов Креста, данных Богом человечеству в домессианские времена его истории.

Каждый день — это зеркало, формула жизни человечества от сотворения Адама до жизни «будущего века».

После того, как фарисеи и книжники отказались от своего Мессии, они сделали все, чтобы скрыть следы своего преступления, оправдать себя в глазах своих потомков. В конце I века на Великом Синодарионе был канонизирован новый текст Библии, где все места, пророчествующие о Христе, были искажены. Одновременно этот новый кодекс был переписан не на древнем Моисеевом иврите, где V — Алеф-Бык напоминает о Завете на горе Синай, а — Тав-Крест — об Исходе из Египта, пророчествуя об Исходе из Египта греха и смерти Крестными страданиями Мессии Иисуса Христа, — а арамейском алфавите, имеющем более позднее происхождение, которому со временем была придана новыми мудрецами антихристианская, каббалистическая символика. Тем самым вожди Израилевы отказались от своего реального буквенно-зримого исторического прошлого, встали на путь фальсификации древней благодатной истории иудеев, окончательно исказив ее прообразовательное значение на страницах Талмуда, и ввели в великое заблуждение и весь народ сынов Израилевых.

Оглавление

ТРАГЕДИЯ МАРТИНИКИ	2
ВСЕЛЕНСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ КРУГ	30
Церковные часы — как зеркало Всемирной Истори	31
О времени совершения Тайной вечери и искупительных страданий Христовых	42

Трагедия Мартиники

тайники
истории

